

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Николай Добронравин

Современное государство,
кукуруза, портвейн: первая
португальская модернизация,
ее срыв и глобальное
наследие

Препринт М-57/17

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2017

Д 56   Добронравин Н. А.

Современное государство, кукуруза, портвейн: первая португальская модернизация, ее срыв и глобальное наследие / Николай Добронравин : Препринт М-57/17. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 36 с. — (Серия препринтов; М-57/17; Центр исследований модернизации).

В 1415 году со взятием североафриканской крепости Сеута началось создание португальской мировой державы. Эта держава пала в 1581 году, когда Португалия утратила независимость и вошла в состав империи Габсбургов. Глобальное значение исторического эксперимента XV–XVI веков остается в значительной мере недооцененным. Многие европейцы и американцы едва ли отличают португальские Открытия (Descobrimentos) от испанского открытия Америки (Descubrimiento de América). В самой Португалии после революции XX века, отказа от заморских владений и присоединения к Европейскому Союзу империя окончательно ушла в область исторической мифологии. Подверглись мифологизации путешествия выдающихся мореплавателей, таких как Васко (Вашку) да Гама, и завоевания португальцев в Африке, Азии и Америке. Все эти деяния, казалось бы, поддаются описанию в рамках бинарного подхода Мансура Олсона (государство как кочующий или оседлый/стационарный бандит). При этом остается без внимания главный вопрос: что несли с собой португальские завоевания помимо случайного или систематического грабежа? Иначе говоря, как была устроена первая колониальная империя нового времени? Почему Португалия эпохи Открытий не была т. н. «нормальной европейской страной»? Почему это государство в конечном счете не устояло перед внешней угрозой?

Автор предлагает рассматривать события 1415–1581 годов как первую (неудачную) попытку модернизации в Португалии и ее заморских владениях. К глобальному наследию первой португальской модернизации можно отнести распространение современного государства и кукурузы, к символам неудачи этого исторического эксперимента — портвейн и, вероятно, архитектурный ансамбль Мафры.

Информация об авторе: Николай Александрович Добронравин — д-р филол. наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Центра исследований модернизации ЕУСПб, африканист (sokoto95@uandex.ru).

Эпоха Открытий: что это было?

В 2015 году в Португалии отмечалось пятисотлетие взятия Сеуты. В 1415 году эту североафриканскую крепость захватила международная христианская экспедиция, организованная португальцами. В кампании принимал участие инфант Энрики, пятый сын Жуана I и Филиппы Ланкастерской, дочери герцога Ланкастерского Джона Гонта (John of Gaunt, т. е. родившегося в Генте), магистр томарских рыцарей (Ордена Христа, унаследовавшего собственность тамплиеров), вошедший в национальную и всемирную историю как Генрих Мореплаватель. Сеута и в наши дни все еще представляет интерес с точки зрения политической географии. Это часть Испании (с XVI века) и Европейского Союза, расположенная в Северной Африке. Если в прошлом Сеуте постоянно угрожали соседние мусульманские государства («мавры»), то сегодня ее осаждают мигранты из стран Тропической Африки, стремящиеся кратчайшим путем попасть в Европу. В национальной истории Португалии взятие Сеуты обычно рассматривается как начало эпохи Открытий (Descobrimentos). В других странах, в том числе и в России, тот же период не совсем точно именуется эпохой Великих географических открытий. И древняя Сеута, и многие другие города и области Старого Света были известны европейским путешественникам и купцам задолго до 1415 года.

В наши дни многие европейцы и американцы едва ли отличают португальские Открытия (Descobrimentos) от испанского открытия Америки (Descubrimiento de América). В самой Португалии центральное место в исторической мифологии занял «мир, который создал португалец» (o mundo que o português criou). Мореплавание и завоевания периода Открытий теперь рассматриваются как подвиги португальской нации в современном смысле слова. Такая интерпретация истории окончательно сформировалась в XX веке, в т. н. «новом государстве» под властью Антониу Салазара.

Пожалуй, самое наглядное изображение исторического мифа — памятник эпохе Открытий (Padrão dos Descobrimentos) в Лиссабоне, стилизованная каравелла с фигурами 33 мореплавателей, деятелей культуры и членов королевского дома во главе с инфантом Энрики. Этот монумент, предназначенный для «Выставки португальского мира» 1940 года и восстановленный по решению Салазара в 1960 году, напоминает по своей композиции аналогичные сооружения в других странах — например, памятник Екатерине II в Санкт-Петербурге или «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. Абсолютное большинство фигур, помещенных по бортам каравеллы, представляют этнических португальцев-католиков. Двое из них, возможно, были «новыми христианами», т. е. крещеными евреями (мореплаватель Жуан Гонсалвиш Зарку, математик Педру Нуниш). Кроме того, изображены двое уроженцев других областей «испанского мира» — Жакоми (Иаков) с Мальорки (космограф, «новый христианин») и святой Франциск Ксаверий (баск-иезуит из Наварры), крестивший многих жителей Индии и Японии, а также королева Филиппа Ланкастерская (родом из Англии, мать инфанта Энрики), которая, по преданию, вдохновила португальцев на взятие Сеуты и тем самым положила начало эпохе Открытий.

В число героев, заслуживавших увековечения, не были включены многие известные «трудовые мигранты» — например, венецианец Альвизе де Кадамосто, дважды возглавлявший португальские экспедиции к берегам Африки, флорентинец Америго Веспуччи, исследовавший берега современной Бразилии на службе короля Мануэла I Счастливого, Жакоми (Якоб) из Брюгге — первый правитель острова Терсейра (Азорские острова), первопечатники Валентин Фернандиш Алеман (из Моравии) и Николаус из Саксонии. В салазаровской Португалии все эти деятели, очевидно, рассматривались как иностранцы. С другой стороны, на борту памятника Первооткрывателям была помещена фигура Магеллана. Фернан ди Магальяйнш был, если использовать современную терминологию, этническим португальцем и начал свою деятельность в португальской Индии. Однако прославился он на службе Карла V Габсбурга; плавание Магеллана привело к длительному конфликту между испанцами и португальцами в Юго-Восточной Азии. Тем не менее Магеллан был включен в число героев национальной истории Португалии, тогда как итальянцы, немцы и фламандцы такой чести не удостоились.

Деяния португальских завоевателей в странах Африки, Азии и Америки, казалось бы, легко поддаются описанию в рамках бинарного подхода Мансура Олсона (государство как кочующий или оседлый/стацио-

нарный бандит).¹ При этом остается без внимания главный вопрос: что несли с собой эти завоевания помимо случайного или систематического грабежа? Иначе говоря, как была устроена первая колониальная империя нового времени? Почему Португалия эпохи Открытий не была т. н. «нормальной европейской страной»? Почему это государство в конечном счете не устояло перед внешней угрозой?

По существу, эпоха Открытий — период первой (неудачной) португальской модернизации. Следуя традиции трехчастного определения исторических процессов², эту модернизацию можно описать следующим образом: современное государство, кукуруза, портвейн. Ни одно из названных явлений не обязано Португалии своим возникновением, хотя портвейн в точном смысле слова — это, безусловно, португальское «вино из Порту». Именно в ходе Открытий современное государство и кукуруза распространились по всему миру. Что касается портвейна, его можно считать символом срыва а первой португальской модернизации. Сегодня о том времени в самой Португалии напоминают лишь немногие сохранившиеся памятники архитектуры и некоторые особенности сельского хозяйства. С наследием эпохи Открытий часто путают, принимая их за следы древнего величия, более поздние памятники, созданные в XVIII или даже в XIX веке.

В других европейских странах достижения португальцев долгое время не признавали по религиозным, расовым и сугубо коммерческим причинам. Достаточно вспомнить справедливое высказывание посла Людовика XIV в Голландии маркиза де Бонрепо. В 1699 году посол обвинял голландцев в том, что успех свой они построили, «насколько сие было для них возможно, на разорении тех европейцев, кои им предшествовали, дабы таким путем с выгодой воспользоваться тяжкими трудами, каковые другим пришлось приложить, чтобы приручить индийцев, подчинить их или привить им вкус к коммерции».³ Возможно, речь шла и о французах, но больше всего пострадали от голландского хищничества португальцы. К концу XIX века европейские представления о португальских Открытиях в значительной мере сводились к мифу о фанатичных католиках и же-

---

¹ *Олсон М.* Диктатура, демократия и развитие // Экономическая политика. 2010. № 1. С. 167–183.

² См., например: *Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М., 2009.

³ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 215.

стоких работорговцах. Яркий пример такой мифологизации представлен в художественной литературе. В образе Негоро в «Пятнадцатилетнем капитане» Жюль Верн, осуждая современную ему работорговлю, описал португальца как воплощение всего худшего, с чем может столкнуться в Черной Африке цивилизованный белый человек. В XX веке история Открытий подверглась переосмыслению и в бывших колониях Португалии. В современной исторической мифологии стран Азии и Африки подчеркивается важность доколониального наследия; роль португальцев сводится к варварскому разрушению процветавших автохтонных цивилизаций.

У истоков португальской исключительности: самопровозглашенные графы и непризнанные короли

Первоначально графами называли себя христианские сеньоры, сражавшиеся с маврами на севере будущей Португалии. Эти самопровозглашенные графы были весьма ненадежными вассалами королевства Леон, а затем — объединенного королевства Леона и Кастилии. Графские титулы, скорее всего, не даровались, а присваивались в процессе освоения новых владений, захваченных у мусульман. Именно по этой причине не существует точной даты создания графства Португалия и пожалования графского титула его правителю.

Предки современных португальцев воевали не только с маврами, но и с викингами. Морские набеги с севера на Пиренейский полуостров были достаточно успешными; в частности, викинги, которых мавры именовали «ар-рус», взяли и разграбили Севилью, один из крупнейших городов мусульманской Испании. Пришельцы пытались закрепиться на побережье Галисии и Португалии, но были отбиты или ограничили выкупом с местных христиан.⁴ После христианизации европейского Севера на смену набегам пришли крестовые походы. В 1109 году норвежский король Сигурд I Крестоносец взял у мавров Синтру, а затем и Лиссабон. В 1147 году флот северных крестоносцев окончательно освободил от мусульманской власти будущую столицу Португалии. В 1189 году датчане и фризы вместе с португальским королем Саншу I напали на область Алгарви на край-

---

⁴ См., например: *Christys A. Vikings in the South. Voyages to Iberia and the Mediterranean. London, 2015. P. 96–97; Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157). Ithaca, 2000. P. 316–317; O’Callaghan J. F. Reconquest and Crusade in Medieval Spain. Philadelphia, 2013. P. 58.*

нем юго-западе Европы, затем туда же подошел еще один флот из Англии, Франции и Германии. Судя по сохранившимся документам, северяне предпочитали грабить и убивать местное население, тогда как португальцы стремились договариваться с маврами о сдаче крепостей. После Реконкисты мусульмане и евреи по-прежнему владели землей и занимались ремеслами, включая оружейное дело. Евреи были откупщиками государственных доходов и даже собирали церковные дани, несмотря на протесты кортесов.⁵ Еще первый король Португалии Афонсу I предоставил особые права маврам и евреям, жившим в т. н. «комунаш», созданных по образцу христианских городских советов.⁶

Как и положено в хорошей средневековой истории, истоки Португалии были скорее матримониальными, чем территориальными. В 1097 году в награду за участие в Реконкисте Генрих Бургундский, младший внук Роберта I, герцога Бургундского, получил руку Тересы Леонской, внебрачной дочери короля Леона и Кастилии Альфонсо VI, и графство с неопределенными границами в области между реками Дору и Минью, по соседству с мусульманскими владениями. После смерти мужа Тереса именовала себя королевой Португалии и вела борьбу со своей сводной сестрой Урракой, королевой Кастилии и Леона, вдовой Раймонда Бургундского, получившего от Альфонсо VI титул графа Галисии и Коимбры. Афонсу Энрикиш, сын Генриха и Тересы, изгнал мать и ее второго мужа, опираясь на поддержку городов междуречья, и продолжал воевать с соседями. С 1139 года мятежный граф называл себя королем Португалии (Афонсу I). Даже несколько веков спустя, в XVII веке, деяния Афонсу Энрикиша не выглядели достаточно законными. Тогда возникла легенда о кортесах 1143 года, которые якобы даровали будущему королю корону от имени португальского народа. Среди сходных событий в других странах можно вспомнить создание союза трех альпийских кантонов, положившее начало современной Швейцарии, и также сильно мифологизированное.

В итоге король Леона и Кастилии Альфонсо VII, племянник Тересы, провозгласивший себя императором всей Испании (в широком значении, т. е. всего Пиренейского полуострова), признал Афонсу I королем и своим

---

⁵ Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего. Т. 9. От смерти Маймонида (1203) до изгнания евреев из Испании и Португалии (1496). Одесса, 1907.

⁶ Подробнее см., например: *Soyer F. The Persecution of the Jews and Muslims of Portugal: King Manuel I and the End of Religious Tolerance (1496–7)*. Leiden, 2007.

вассалом. Сорок лет спустя, в 1179 году, португальское королевство признал и папа Александр III. С этого времени можно говорить о Португалии как одном из небольших иберийских государств, формально зависевших от Кастилии. О несамостоятельном характере португальской государственности можно судить и по титулатуре. Официальные документы составлялись в основном на латыни и по-португальски, однако король Португалии именовался «эль-рей» (el-rei, с артиклем, характерным не для португальского, а для кастильского/испанского языка). Чтобы ослабить зависимость от Кастилии, Афонсу I объявил себя вассалом папы, но фактически не подчинялся никому.

Короли «бургундской» Португалии вели постоянную борьбу и с кастильцами, и с маврами. Продвигаясь вдоль атлантического побережья, к середине XII века португальцы дошли до Эштремадуры (буквально — «окраины» христианских земель), включая Лиссабон. К 1250 году от власти мусульман была освобождена область Алгарви (от арабского ал-гарб «запад»). В итоге португальская Реконкиста завершилась за двести лет до христианского завоевания соседней Гранады. Различия между португальским и собственно испанским (кастильским и арагонским) продвижением на юг Пиренейского полуострова не сводятся к темпам Реконкисты. Большинство завоеванных/освобожденных областей представляли собой обычный средневековый хаос (королевства, свободные общины, города, земли церкви и т. п.), который и в наши дни ощутим в Испании с ее квазифедеративным политическим устройством. Вся эта чересполосица скреплялась наличием общего врага (мавров) и брачными узами между разными династиями. Такими скрепами особенно успешно пользовалась Кастилия. Кастильская брачная и политическая экспансия привела к полной интеграции Леона, и та же участь была уготована Португалии. В 1380-х годах Португалия неминуемо должна была стать частью Кастилии, поскольку Бургундская династия, основанная самопровозглашенным королем Афонсу I, прервалась. Чтобы пресечь возможное недовольство, в страну были введены кастильские войска.

Однако «никогда такого не было, и вот опять»; португальское государство снова продемонстрировало особый путь развития, о котором так часто говорят и пишут применительно к России. Борьбой против захватчиков руководил военно-монашеский Авишский орден во главе с Жуаном, внебрачным сыном короля Педру I. В битве при Алжубарроте кастильцы потерпели поражение и утратили контроль над непокорной страной. В 1385 году кортесы в Коимбре провозгласили магистра Авишского ордена королем Португалии и Алгарви. Кастилия еще долго продолжала счи-

тать португальцев мятежниками; вечный мир с соседями был заключен лишь в 1431 году.

Переход власти к новой династии после того, как прервалась «бургундская» линия престолонаследия, был связан с двумя важнейшими факторами. Внешний фактор можно описать как «английский». Еще в 1373 году был заключен англо-португальский договор о вечной дружбе и союзе. Этот договор считается древнейшим двусторонним соглашением, которое действует до сих пор. Англичане поддерживали португальцев, в то время как кастильцам помогали французы. Таким образом, борьба в Португалии была продолжением Столетней войны. Кроме того, против присоединения к Кастилии выступило городское население Лиссабона и других городов. После победы авишских рыцарей Лиссабон, Сантарен, Коимбра, Эвора и Порту стали «городами первой скамьи», т. е. их представители имели право сидеть на первой скамье во время заседаний кортесов.⁷

В отличие от Кастилии и других испанских государств, в «авишской» Португалии не было сколько-нибудь значительных феодальных владений, автономных по отношению к центральной власти. Формально на территории страны сохранилось лишь одно отдельное королевство, Алгарви, но и там власть принадлежала португальскому королю. До конца XVIII века эта область была отделена от других частей метрополии таможенной границей. Именно из Алгарви, где находилась резиденция Генриха Мореплавателя, началось создание португальской империи. В соседней Испании исторический титул «короля [обоих] Альгарве» (*de los Algarves*, т. е. юго-запада Пиренейского полуострова и соседней области в Северной Африке) сохранился до наших дней.

С XIII века в Португалии всегда была одна столица (Лиссабон) и одна «вторая столица» (Порту). Роль судебно-университетского центра страны играла Коимбра, расположенная между Порту и Лиссабоном. В португальской литературе можно найти такое описание либерального и промышленного Порту: «своего рода Ленинград в Португалии, потому что это второй город страны и город свободы и труда» (*«espécie de Leninegrado em Portugal, porque segunda cidade do país e cidade da liberdade e do trabalho»*).⁸ Порту первоначально принадлежал местному епископу, но после длительной борьбы горожане добились права подчиняться королю. Взамен епископ получал ежегодную ренту — компенсацию за утрачен-

---

⁷ Варьяш О. И., Черных А. П. Португалия: дороги истории. М., 1990. С. 56–58.

⁸ Dias G. J. A. C. A ideologia religiosa e os começos da imprensa em Portugal // *Revista de História*. 1988. Vol. 8. P. 159.

ную власть. Португальские крестьяне были лично свободными, даже если они подвергались эксплуатации в латифундиях (на юге страны, в Алентежу). Рядом с крестьянами трудились и рабы, но их потомки относительно легко становились свободными и смешивались с местным населением. Архаичное общинное землевладение сохранилось лишь на северо-востоке страны, в португальском «Загорье» (Траз-уж-Монтиш). В целом еще до эпохи Открытий Португалия отнюдь не была обычным иберийским или западноевропейским королевством.

Почему португальцам удавалось постоянно нарушать правила поведения вассалов и наносить поражение законной кастильской власти? Одно из популярных объяснений связывает исключительность Португалии с ее географическим положением:

Взглянем на карту: в португальской земле завершают свой бег многие реки Пиренейского полуострова, что было чревато для Португалии большими доходами и немалым беспокойством; удобная для развития мореплавания береговая линия равным образом благоприятствовала морскому промыслу и набегам морских разбойников. Португалия лежала на скрещении путей из Северной Европы в Средиземное море, и ни один корабль, будь то купец или воин, не миновал ее берегов. Так было в древности, так было во времена крестовых походов, так было в эпоху Великих географических открытий.⁹

В этом описании немало преувеличений. В частности, португальская береговая линия в основном не была удобной для мореплавателей в сравнении с северо-западом Пиренейского полуострова. Реки, судоходные лишь в нижнем течении, не были международными транспортными артериями, такими как Рейн или Дунай.

О географическом факторе в истории атлантического побережья писал и французский историк Ф. Бродель: «Именно прибрежная навигация вокруг Испании, от Гибралтара до Лондона и Брюгге, предопределила взрыв, заранее подготовила Великие открытия. Именно концентрация международного капитализма в Севилье в значительной мере объясняет начало Америки».¹⁰ В данном случае речь идет об Испании в широком смысле, включая Португалию. Слова Броделя заслуживают внимания, но и они не объясняют, почему Открытия начались не в испанской Севилье, а в соседней Португалии.

---

⁹ Варьяш О. И., Черных А. П. Португалия: дороги истории. М., 1990. С. 4.

¹⁰ Бродель Ф. Очерки истории. 2-е изд. М., 2017. С. 100.

Существуют и другие объяснения того, почему именно Португалия за короткое время смогла не только «открыть», но и завоевать многие страны Африки, Азии и Америки. Например, американский ученый Г. Харт писал:

И необычайно сложный физический и духовный облик народа, и географическое положение страны, и множество стимулов, толкавших португальцев к мореплаванию и торговле, и экономическое давление со стороны вечно недоедающего населения — все это может объяснить, почему так поразительно быстро Португалия достигла своего кратковременного, но блестящего морского и торгового господства в Европе. Нет никакого сомнения, что португальский народ был идеально подготовлен к тому великому предприятю, которое ему предстояло осуществить. [...]

Хотя другие народы — финикийцы, итальянцы, каталонцы, англичане и норманны — были пионерами и раньше португальцев отважились пуститься в неведомые моря с их ужасными мифическими чудовищами и реальными опасностями диких стран, лежащих за горизонтом, все же именно португальцы первые совершили успешные и систематические исследовательские экспедиции в Атлантику и вдоль побережья Западной Африки, именно португальские моряки довели навигационную науку до высшей точки развития, какого она когда-либо достигала, если не считать сравнительно близкого нам времени.¹¹

В современной научной литературе, пожалуй, вышло из употребления лишь объяснение, связывающее создание мировой португальской империи с отсутствием т. н. «цветного барьера». В XX веке идея смешанного происхождения португальцев как основы их успеха была важнейшей частью концепции лузотропикализма Ж. Фрейри. В наши дни эта концепция обычно рассматривается как устаревшая и ассоциируется с колониальной политикой салазаровской Португалии.

Модернизация без модернизационного проекта

На время правления Авишской династии пришлось взлет и падение первой португальской модернизации. Ни магистр, ставший королем, ни его наследники не предлагали стране и миру модернизационного проекта в современном понимании. Королевский двор обсуждал совершенно другие проблемы, о чем можно судить по переписке между королем Дуарти I

---

¹¹ *Харт Г.* Морской путь в Индию. М., 1954. С. 32.

Красноречивым и его братом инфантом Энрики. В 1436 году, отвечая на вопрос короля о справедливости и разумности войны с маврами (после многих десятилетий относительного добрососедства с 1250 по 1415 год), инфант, носивший титулы магистра Ордена Христа, герцога Визеу, правителя Ковильяна, а также покровителя наук Португалии, писал, что «война с маврами — это служение Богу, честь и удовольствие». По мнению инфанта, в жизни есть четыре цели — спасение души (лучшая из них), «честь личности, имени, рода (linhagem) и нации», удовольствие («очень малая цель») и, наконец, мирская выгода, которая сама по себе не является целью («а о тех, кто хочет такой цели, говорил Господь наш, что им труднее будет попасть в рай, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко»). В то же время инфант считал войну разумным делом, поскольку страна мавров «вся разделена на сеньории неслыханным образом», а «по слову Господа нашего, всякое разделившееся царство будет разрушено».¹²

Возвышенную мысль Генриха Мореплавателя не следует отождествлять с практикой его собственной деятельности. Например, инфант совершенно рациональным образом разделил находившийся под его управлением остров Мадейра на административные единицы (капитании), организовал плантации сахарного тростника, завезенного с Сицилии, добился временной, а затем и постоянной отмены десятины и въездного налога. Вскоре Мадейра превратилась в крупнейший источник сахара для европейских потребителей. В развитии острова важнейшую роль играли фламандцы, обеспечившие доставку сахара в Антверпен.

Чтобы объяснить, почему португальские Открытия можно считать необъявленным модернизационным проектом, имеет смысл обратиться к современным концепциям модернизации. Например, Д. Я. Травин полагает, что «модернизированное общество отличается от традиционного высоким уровнем гражданской культуры населения, благодаря чему политической формой его существования становится демократия».¹³ Формально демократии и гражданского общества в Португалии той эпохи не было. Однако на практике ситуация выглядела иначе. Вплоть до конца XV века регулярно собирались кортесы (при Жуане I — 25 раз за 50 лет, при Дуарти I Красноречивом — 4 раза за 5 лет, при Афонсу V Африканце — 20 раз за 43 года).¹⁴ Чем дальше от метрополии, тем больше демократии обнару-

---

¹² A Rota do Cabo: descobrimentos e colonização africana. Porto, 1988. P. 35–37.

¹³ Травин Д. Я., Маргания О. Л. Европейская модернизация. М., 2004. Кн. 1. С. 40.

¹⁴ Варьяш О. И., Черных А. П. Португалия: дороги истории. М., 1990. С. 56–58.

живалось в действиях гражданских и военных администраторов. Например, в 1455 году, во время плавания Кадамосто вверх по течению реки Гамбия, местные жители напали на португальцев («потому что им хорошо известно, что мы, христиане, едим человеческое мясо и покупаем негров исключительно на съедение»). Тогда команда отказалась идти дальше вверх по течению «и в один голос закричала, что она не согласна на это и что она уже сделала в это плавание достаточно». По мнению Г. Харта, «командиры поняли, что вот-вот вспыхнет мятеж, и отказались от своих планов, ибо, как замечает Кадамосто, моряки были «люди глупые и упрямые». И корабли «пошли в обратный путь, держа курс на Зеленый мыс и, во имя Бога, на Испанию».¹⁵ На самом деле, речь шла не о мятеже, а о том, что венецианец Кадамосто назвал *scandalo* («скандал, раздор, смута»).

В 1488 году, во время экспедиции Бартоломеу Диаша, обогнувшей южную оконечность Африки, команды и капитаны кораблей также выступили за окончание плавания:

... поскольку все истомились и натерпелись страху, проходя через большие моря, то все в один голос начали роптать и требовать прекращения плавания, говорили, что продовольствие совсем кончится, [прежде чем они смогут] вернуться к грузовому кораблю, оставшемуся далеко позади, и что до того времени все они умрут от голода, если будут продвигаться вперед. Говорили, что для одного путешествия вполне достаточно того, что сделано, ведь они открыли берег большой протяженности, они привезут важные новости о своем открытии [а именно], что земля тянется в основном к востоку, очевидно, они прошли какой-то великий мыс — и лучше всего повернуть обратно и отыскать его.¹⁶

Диаш устроил совещание со своими капитанами и офицерами, а также с наиболее активными матросами. Все они полагали, что следует вернуться в Португалию, и подписались под составленным документом. По просьбе Диаша движение в сторону Индии продолжалось еще несколько дней, но затем моряки вновь потребовали прекратить плавание. Экспедиция вернулась в Португалию, так и не побывав в Индии. Характерно, что в обоих случаях действия моряков не вызвали карательных мер. Есть лишь предположения, согласно которым из-за нерешительности Диаша

---

¹⁵ *Харт Г.* Морской путь в Индию: рассказ о плаваниях и подвигах португальских мореходов, а также о жизни и времени дона Васко да Гамы, адмирала, вице-короля Индии и графа Видигейры. М., 1954. С. 55–56.

¹⁶ Там же. С. 70–71.

более успешную экспедицию в Индию возглавил не он, а Васко (Вашку) да Гама.

Похожую ситуацию описывает и Фернан Мендес Пинто (Мендиш Пинту, один из деятелей, изображенных на памятнике Первооткрывателям) в повествовании о подготовке к сражению между португальцами Малакки и государством Ачех в Юго-Восточной Азии:

Затем Симан де Мело, считавший, что лучшим способом заткнуть глотки всем, кто ставил ему в упрек, что он по совету святого отца [Франциска Ксаверия] отправляет столь малую армаду против огромного флота противника, решил узнать мнение всех и поставил решение идти в поход, вызывавшее столько толков, на голосование. Мнение каждого было записано писцом таможни и фактории Балтазаро Рибейро в присутствии чиновников суда и интендантства. Общее мнение было, что поход безрассуден [...] Но когда стали собирать мнения командующего, капитанов и шедших на армаде солдат, все сказали, что, даже оказавшись лицом к лицу со смертью, они не откажутся от того, в чем поклялись богу, после чего повторили свое обещание, подкрепив его присягой [...] Под этими своими словами они расписались в грамоте, составленной писцом, чем комендант, как говорят, был немало обрадован, ибо ожидал великой славы от этого похода, равно как и все обитатели крепости, в частности, его свояк дон Франсиско де Эса, который должен был идти командующим армадой, и брат последнего дон Жорже де Эса, его заместитель в этой должности.

Отец магистр Франциск Ксаверий, видя твердость и неуклонную решимость капитанов и солдат, очень их за нее похвалил [...] На этом разговоры окончились, и Симан де Мело пошел в крепость обедать, пригласив к себе командующего и прочих капитанов армады, а отец магистр отправился к себе в госпиталь ухаживать за немущими, как это у него было заведено.¹⁷

Это была демократия, сопряженная с насилием и напоминавшая пиратские практики более поздней эпохи. Голосование было открытым и солидарным, причем совместное «против» не приравнивалось к мятежу. Скорее, бунтовщиком считался тот, кто отклонялся от общей линии. В Кастилии, судя по описаниям путешествий Колумба, подобных свобод было намного меньше, не говоря уже о британском или голландском флоте более позднего времени.

По мнению Д. Я. Травина, «в модернизированном обществе человек обладает способностью приспосабливаться к изменяющейся среде. [...] Он должен устанавливать контакты с принципиально иным окружением.

---

¹⁷ Мендес Пинто Ф. Странствия. М., 1972. С. 470.

Привыкать к новым духовным ценностям, характерным для того общества, в которое он влился». В качестве примера приводится «способность к адаптации (а отнюдь не жестокость, как кажется на первый взгляд)» Данилы, героя фильмов «Брат» и «Брат-2».¹⁸ Насколько можно судить по документам времен Открытий, Данила прекрасно вписался бы в коллектив португальских мореплавателей и завоевателей, лишь изменив имя с женского (Danila) на мужское (Danilo).

Представители народов Азии, Африки и Америки, впервые столкнувшиеся с португальцами, были поражены не только их оружием, особенно артиллерией, но и необычным поведением, одеждой и питанием. Например, в цейлонской хронике первые португальцы, прибывшие на остров в 1505 году, были описаны следующим образом:

В наш порт Коломбо прибыли люди, кожа у них светлая, однако они милостивые и носят железные жакеты (латы. — *Л. И.*) и шлемы; на одном месте не стоят, все время бегают то туда, то сюда. Они едят куски из камня (хлеб. — *Л. И.*) и пьют кровь (красное вино. — *Л. И.*). За одну рыбину или лимон они дают две или три золотые или серебряные монеты; звук от выстрела их пушки сильнее грома.¹⁹

В свою очередь, португальцы, сначала также удивленные местными обычаями, быстро приспособивались к обстановке, легко дезертировали или нанимались на службу к азиатским и африканским правителям. Самой большой славой пользовались португальские наемники-артиллеристы.

Что касается упомянутой в работе Д. Я. Травина привычки действовать рационально, то, на первый взгляд, в эпоху Открытий все еще преобладали традиционные правила поведения. Однако на практике рациональное прекрасно сочеталось с иррациональным, как, например, в процессе освоения Мадейры.

Уникальная черта португальских Открытий — массовое строительство крепостей в заморских владениях специалистами, прибывшими из метрополии. Перемещалась не только квалифицированная рабочая сила, но и заранее подготовленные строительные материалы. Например, на побережье Гвинейского залива с 1471 года шел прибыльный для обеих сторон торг на рейде между европейскими кораблями и местными лодками.

---

¹⁸ Травин Д. Я., Маргания О. Л. Европейская модернизация. М., 2004. Кн. 1. С. 41–45.

¹⁹ Иванов Л. Г. Очерки экономической истории Шри Ланки (XVI — начало XX в.). М., 1978. С. 8.

Жуан II Совершенный, несмотря на возражения королевского совета, решил построить крепость, чтобы пресечь нелегальную торговлю и обеспечить постоянный приток золота из африканских шахт. 12 декабря 1481 года фидалгу Диогу ди Азамбужа, рыцарь Авишского ордена, отправился в Гвинею, чтобы построить первую европейскую крепость в этом регионе. По приказу короля в Африку ушли 11 кораблей, нагруженных строительным деревом, тесаным камнем, известью, изразцами, кирпичом, инструментами и гвоздями. На кораблях плыли пятьсот моряков и солдат и сто плотников и каменщиков. Полагая, что крупнотоннажные круглые корабли не смогут вернуться в метрополию из-за течений, Жуан II велел отправить в Африку старые грузовые суда (урки). 19 января 1482 года экспедиция, наконец, нашла место для строительства на побережье современной Ганы. Согласно португальскому описанию, местный король Караманса «прибыл голый, но волосы, борода, руки, шея и ноги были украшены золотом». Диогу ди Азамбужа объявил через переводчика, что король Португалии послал его, чтобы «навсегда обеспечить мир и дружбу» и создать «постоянный центр для многих очень дорогих товаров», «чтобы они [африканцы] и их потомки всегда были очень богатыми и благородными». Для этой цели начальник экспедиции просил разрешения построить дом. После переговоров каменщики заложили фундамент крепости, сняв камни со скал, где африканцы обычно молились. Несмотря на конфликт из-за священных скал, португальцы продолжали строительство, чудесным образом нашли воду и за двадцать дней поставили башню, дома и стены крепости. В честь святого Георгия, патрона Португалии, крепость получила название Сан-Жоржи да Мина, в европейских странах она была известна как Эльмина. Завершив строительство, Диогу ди Азамбужа обложил налогом торговлю золотом, поставил виселицу и позорный столб, отправил большинство португальцев обратно в Европу, а сам остался командовать крепостью еще на два года и семь месяцев. В 1486 году королевским декретом Сан-Жоржи да Мина получила права и привилегии города.²⁰

Вскоре африканцы научились строить из камня; возникла легенда о том, что каменное строительство было известно и до прибытия европейцев. В действительности, есть сведения, что в 1557 году сами португаль-

---

²⁰ Europeans in West Africa, 1450–1560: Documents to Illustrate the Nature and Scope of Portuguese Enterprise in West Africa, the Abortive Attempt of Castilians to Create an Empire There, and the Early English Voyages to Barbary and Guinea. London, 1942. Vol. 1. P. 40–42, 70–77.

цы рекомендовали учить местных рабочих из-за высокой смертности среди белых.²¹

В XIX–XX веках в Европе и в самой Португалии было широко распространено представление о том, что Открытия ничего не изменили в жизни метрополии, кроме знакомства с предметами роскоши. Современный португальский историк Жозе Эрману Сарайва писал:

Торговля с Индией обогатила многих, и поэтому увеличилось потребление. Чтобы насытить спрос, велся широкий импорт. Имеются документальные свидетельства об импорте товаров, не только предназначенных для отправки в Индию, но и поступавших непосредственно в Лиссабон: оружия, одежды, мебели, бумаги, произведений искусства, ковров, зерна, лошадей, карет, кораблей и снастей для кораблестроения, дерева, украшений, книг, сыров, мехов, духов — словом, всего, чего требовали растущие нужды населения. Встречаются даже упоминания об импорте яиц. Жил Висенти в сатирической пьесе, поставленной в 1526 г., высмеивал это положение, говоря, что даже мясо привозилось из Бретани, а капуста из Бискайи. За сто лет, пока существовала монополия на торговлю с Востоком, нет ни одного упоминания о каком-либо новом производстве, введенном в Португалии. Даже восточные продукты не вызвали какого-либо иного вида деятельности по сравнению с прошлой эпохой. К концу XVI в. португальское ремесленное производство почти не отличалось от ремесла XIII в.: кузница, печи гончаров, грубые ткани, обувь, конская упряжь, прядение льна, кораблестроение. Это все еще было производство, направленное на обеспечение сельской жизни. Городские жители потребляли другие товары, но их получали в результате импорта.²²

Вероятно, подобная оценка во многом основана на внешнем впечатлении от сравнения изделий португальских и иностранных ремесленников. В самом деле, португальская посуда того времени выглядит довольно примитивно на фоне импортной азиатской и немецкой продукции. Далеко не всегда этот разрыв был бесспорным. К примеру, в таких областях, как обработка камня и дерева, португальцы «золотого века» успешно конкурировали с другими европейскими мастерами. Некоторые отрасли были привнесены в Португалию именно в эпоху Открытий — например, книгопечатание. Освоение печатного дела начиналось с издания религиозной (христианской и еврейской) литературы. Затем печать была поставлена на

---

²¹ *Hair P. E. H. A. The Founding of the Castelo de São Jorge da Mina: An Analysis of Sources. Madison, 1994. P. 14.*

²² *Сарайва Ж. Э. История Португалии. М., 2007. С. 172.*

службу короне. Первая еврейская книга (Пятикнижие) была напечатана в Фару (в области Алгарви) в 1487 году, первое католическое издание вышло в свет в Шавише, на севере страны, в 1488 году. Вплоть до 1500 года было опубликовано 13 еврейских и 17 христианских инкунабул различного содержания, включая медицину и право. Были изданы несколько томов законодательства (уложение короля Мануэла I Счастливого), которые в обязательном порядке распространялись и в метрополии, и в заморских владениях.²³

Самые радикальные изменения произошли не в области ремесел, а в сельском хозяйстве. Именно португальцы стояли у истоков всемирного распространения такой сельскохозяйственной культуры, как кукуруза. До 1492 года маис уже имел длительную историю выращивания в Новом Свете. Первым из европейцев, ознакомившимся с маисом, видимо, был Колумб, который еще не оценил достоинства этого злака, но привез зерна в Испанию. В Португалии кукуруза приобрела совершенно новое значение, так как она дала возможность интенсифицировать сельское хозяйство в густонаселенной северной части страны. В результате, с одной стороны, высвободились дополнительные рабочие руки для империи, с другой — уменьшились проблемы, связанные с постоянным дефицитом дорогой пшеницы. «Португальское зерно» распространилось по странам Азии и Африки, входившим в состав империи или связанным с нею торговыми отношениями. Кукуруза была не единственной культурой, которую освоили и распространили португальцы. В тропиках не меньшее значение имели маниок и маниоковая мука (тапиока), полученная из клубней этого южноамериканского растения. Без маниока и кукурузы было бы невозможно «выращивать» и перевозить рабов из Африки в страны Нового Света.

В целом изменения в сельском хозяйстве заслуженно получили название «кукурузной революции». На севере Португалии возник уникальный аграрный комплекс, в конечном счете объединивший кукурузу и виноград, пригодный для производства портвейна. Освоение новых культур было настолько быстрым и массовым, что возникла легенда об их автохтонности или проникновении в Старый Свет еще до португальских завоеваний и испанского открытия Америки.

---

²³ *Dias G. J. A. C. A ideologia religiosa e os começos da imprensa em Portugal // Revista de História. 1988. Vol. 8. P. 159–168.*

Срыв модернизации: почему у Португалии не получилось?

На вопрос о причинах провала первой португальской модернизации возможны два ответа — очевидный и открытый для дискуссии. Формальная дата и причина срыва первой португальской модернизации не вызывают сомнений; можно утверждать, что модернизация была похоронена вместе с независимостью Португалии. В 1578 году в «битве трех королей» в Марокко погиб король Себастьян I Желанный; Авишская династия прервалась. Приор Мальтийского ордена Антониу из Крату, внебрачный сын инфанта Луиша, сына Мануэла I Счастливого, провозгласил себя королем. Однако Антониу I не удалось повторить судьбу основателя Авишской династии магистра Жуана. В 1580 году в Португалию вторгся печально знаменитый герцог Альба. Антониу I был разбит и бежал на остров Терсейра в Азорском архипелаге. В 1581 году кортесы в Томаре признали испанского короля Филиппа II королем Португалии и Алгарви (под именем Филиппа I). С 1583 года, когда испанцы захватили Терсейру, разгромив сторонников Антониу I и его французских союзников, все владения португальской короны стали частью европейской империи Габсбургов. Теперь Мадрид мог торжествовать победу над последней непокоренной областью Пиренейского полуострова.

Проблема состояла в том, что португальский народ давно забыл о былой связи с королевством Леон и считал кастильцев не братским христианским народом, а традиционным врагом. Обещания Габсбургов, данные кортесам в Томаре, не соблюдались. Более того, Мадрид втянул «воссоединенную» Португалию в войну с Англией и Соединенными Провинциями. В результате владения в Азии были потеряны почти полностью (кроме Гоа, Макао и части Тимора). Несколько десятилетий продолжалась война с голландцами в Бразилии и Анголе. В 1637 году европейские наемники и бразильские индейцы под командованием Иоганна-Морица Нассау-Зигенского, управляющего владениями Голландской Вест-Индской компании в Бразилии, после пяти дней осады взяли Сан-Жоржи да Мина, оплот португальского господства в Западной Африке. В конечном счете португальцы (точнее, бразильцы) изгнали голландцев из Бразилии и Анголы, но иберийский контроль над Атлантикой превратился в фикцию.

Если не считать, что все бедствия Португалии были вызваны гибелью или исчезновением короля Себастьяна (с XVI века в Португалии и Бразилии широко распространилась вера в грядущее возвращение короля), то что же привело к краху первой современной империи?

Среди возможных причин упадка империи и утраты португальской независимости часто упоминается несопоставимость метрополии и ее заморских владений. Согласно широко распространенному представлению, бедная малонаселенная Португалия взвалила на себя непосильную ношу, пытаясь распространить свое влияние на половину обитаемого мира. Португальские короли были вынуждены отправлять в заморские владения осужденных преступников, цыган, сирот и проституток. Методы, которые впоследствии использовала Британская империя, например, для заселения Австралии, были успешно освоены в Португалии, но привели к опустошению страны.²⁴ Подобный подход условно можно назвать испанским или, в более современном контексте, советско-американским. С точки зрения других империй и мировых держав, Португалия — бесспорно, маленькая страна. Ее материковая часть (Portugal Continental) остается в основном неизменной с XIII века, демонстрируя редчайший пример стабильности границ в Европе. Площадь этой территории составляет 89 тыс. кв. км. Население страны долгое время росло медленно. Падение численности населения обычно связывают с эмиграцией в заморские владения в ходе Открытий. Однако, по современным оценкам, сокращение населения в период между 1776 и 1811 годами было намного более значительным. Если наполеоновские войны привели к столь резкому падению численности населения, то вполне вероятно, что убыль населения в период с 1527 по 1636 годы также была связана не с эмиграцией в колонии, а с войнами в Европе, и особенно с борьбой между империей Габсбургов и Соединенными Провинциями.²⁵ Если исходить из примерной численности населения 1422 года, плотность населения должна была составлять примерно 11,7 человек / кв. км, в десять раз меньше, чем в наши дни, в 1527-м — 14,2 человек / кв. км. Даже приблизительные цифры имеет смысл сравнить с показателями других европейских стран. Например, Голландия оказывается вполне сопоставимой с Португалией по демографическим показателям при более высокой плотности населения.²⁶ В то же время подобное сравнение обманчиво. Север Португалии постоянно стра-

---

²⁴ Подробнее см.: *Coates T. J. Convicts and Orphans: Forced and State-sponsored Colonizers in the Portuguese Empire, 1550–1755. Stanford, 2001.*

²⁵ *Estatísticas Históricas Portuguesas. Lisboa, 2001. Vol. 1. P. 33.*

²⁶ *Paping R. General Dutch Population development 1400–1850: cities and countryside. Paper presented at 1st ESHD conference, Alghero, Italy, 2014. URL: <http://www.rug.nl/research/portal/files/15865622/articlesardinie21sep2014.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).*

дал от аграрного перенаселения, обеспечивавшего ресурсами заморские предприятия. Буквально каждая семья была вынуждена отправлять своих членов в колонии. На юге плотность населения была не столь значительной, но местным латифундиям хватало рабов и сезонных рабочих. Даже к середине XX века около половины территории, находившейся в руках государства и частных землевладельцев, было закрыто для поселения.

Следует также добавить, что в эпоху Открытий на благо Португалии работала вся Северо-Западная Европа. Среди создателей империи было множество переселенцев из стран, исторически связанных с Бургундией, — в частности, из Фландрии, а также немцы, итальянцы, англичане и переселенцы из других областей Испании. Мало отличались от собственно португальцев по языку и культуре уроженцы испанской Галисии. Благодаря этим переселенцам испанцы получили в Португалии общее название «галегуш» (*galhegos*, буквально «галисийцы»). Так же именовали испанских евреев. Роль фламандцев была особенно значительна. В частности, они сыграли важную роль в заселении и освоении Азорских островов, которые были известны и как Фламандские острова (*Ilhas Flamengas*). Вплоть до 1583 года, когда пал последний оплот португальской независимости, остров Терсейра, фламандцы верно служили португальской короне. В целом можно сказать, что в период Открытий короли Авишской династии опирались на португальских воинов, итальянских моряков, фламандских купцов, еврейских ученых и африканских рабов.

Еще одно объяснение португальской неудачи связывает ее с неразвитостью экономики метрополии:

Заморская экспансия началась тогда, когда уровень развития португальского ремесла и производства в целом был еще очень низок. Огромные богатства колоний, открывавшиеся Португалии, не могли найти себе достойного вложения и применения, как это случилось впоследствии в Англии, и не способствовали дальнейшему развитию страны. Богатства утекали сквозь пальцы португальских королей и дворян, использовавших для получения новых богатств свои привилегии и должности и переставших интересоваться собственными землями.²⁷

Эта точка зрения чаще относится к Испании, которая, как полагают, также не смогла освоить богатства, полученные из Нового Света. Как уже говорилось выше, мнение о стагнации и даже запустении Португалии в ходе Открытий далеко от реальности. Возможно, в действительности мы

---

²⁷ *Варьяш О. И., Черных А. П.* Португалия: дороги истории. М., 1990. С. 92.

имеем дело с переносом на XV–XVI века более поздних событий и их последствий, а также оценок того времени, когда в Европе получил распространение меркантилизм. В 1675 году Дуарти Рибейру ди Маседу, португальский посланник во Франции, писал в своем труде «Рассуждение о введении искусств в Королевстве»:

Деньги в королевствах играют ту же роль, что и кровь, питающая все части тела. Для питания тела кровь непрерывно циркулирует, и таким образом циркуляция продолжается до полного разрушения тела. То же самое делают и деньги: от бедных истекает необходимость, от богатых аппетит и тщеславие. Через искусство [то есть посредством промышленности] они перетекают в руки купцов. От купцов — к различным ремеслам и в руки, которые превращают материал в шедевры, из этих рук — к пахарям через цены на плоды земли к питанию всех людей, через налоги — в королевскую казну. Из казны деньги перетекают в жалованье, пенсии, поддержание солдат, вооружение, производство судов, строительство зданий и укреплений и т. д. Когда деньги циркулируют в королевстве, то они питают королевство, но, как только они покидают королевство, происходит та же нехватка, когда тело теряет кровь.²⁸

Португальский дипломат рекомендовал вводить искусства в королевстве, т. е. развивать национальную промышленность. Для эпохи Открытий подобный подход попросту не имел смысла, так как Португалия совершенно не стремилась к изоляции от других стран христианской Европы. Напротив, экономическая мощь португальской империи опиралась на интеграцию, по крайней мере, в рамках международного «атлантического» объединения. В самых общих чертах этот комплекс можно описать как трехсторонний союз Португалии, Англии и Фландрии (с экономической столицей в Антверпене). Кризис, война и революция в Нидерландах во второй половине XVII века привели к разорению Антверпена и краху всей трехсторонней системы. Подорвав благополучие Фландрии, испанские Габсбурги получили шанс относительно легко справиться и с Португалией, вслед за которой могла пасть и Англия (во всяком случае, на это надеялся Филипп II, собирая в Лиссабоне Непобедимую армаду, потерпевшую поражение от англичан в 1588 году).

В первой португальской модернизации активно участвовали не только христиане, но и представители религиозных меньшинств. Несмотря на покровительство короны, многие мавры и евреи вполне рационально

---

²⁸ Цит. по: *Сарайва Ж. Э.* История Португалии. М., 2007. С. 217.

стремились сменить веру. Один из известных примеров такого рода связан с историей восточноевропейского еврея, служившего советником у одного из индийских правителей в 1498 году. Отправленный на переговоры с португальцами, он был по обыкновению подвергнут пытке и подробно рассказал и о себе, и о пославшем его правителе. Предводитель португальцев Васко да Гама принял неудачливого дипломата под свою опеку, стал его крестным отцом и дал ему свою фамилию. Впоследствии Гаспар да Гама (Гаспар Индийский), прославившийся как полиглот, участвовал в других португальских экспедициях к берегам Азии, Африки и Америки.

Первоначально для крещеных мавров и евреев (морисков и марранов, известных как «новые христиане») не был закрыт путь к государственным должностям и дворянским титулам ни в Португалии, ни в соседней Кастилии. По мнению испанского историка Хайме Контрераса, «конечно, эта мобильность не означала никакого прогресса в эволюционном развитии социума. Напротив, речь шла об усилении авторитарных начал [...] Именно в этот момент городские жители увидели, как в муниципалитетах и на заседательских должностях появляется все больше богачей, купивших себе благородное звание». Контрерас назвал свободную продажу муниципальных должностей и грамот идальго в Кастилии 1540–1560 годов «воистину королевским либерализмом».²⁹ На самом деле, речь шла не о либерализме, а о пополнении казны ранее неслыханным способом. Против разрушения традиционных сословных барьеров выступали и старая знать, и простой народ. В такой обстановке вопрос о чистоте крови приобрел новое звучание на всем полуострове. Противники явных и скрытых иноверцев активно прибегали к услугам инквизиции, несмотря на возражения Рима и короны. В 1492 году указ об изгнании евреев был принят в только что объединившихся Кастилии и Арагоне. В 1496 году такой указ был принят и в Португалии, куда бежало значительное число испанских евреев. Все португальские евреи были вынуждены креститься, а мусульмане изгнаны. Причину создания первого чисто христианского королевства на Пиренейском полуострове часто связывают с желанием короля Мануэла I Счастливого, зятя Изабеллы I Кастильской и Фердинанда II Арагонского, править над всей Испанией (в широком смысле слова). Однако уже в 1497 году король Мануэл I амнистировал всех насильственно крещенных евреев. Было решено, что лишь через двадцать лет иудействующих «новых христиан» сможет судить инквизиция, но «если вина обвиняемых будет

---

²⁹ *Контрерас Х.* Инквизиторы и тайные иудеи. Власть, культура и религия в Испании Золотого века. СПб., 2006. С. 126–127.

доказана, имущество их не будет конфисковано, как в Испании, а останется у их наследников»; крещеным врачам и хирургам, не знавшим латыни, было разрешено пользоваться еврейскими учебниками.³⁰

Еще в эпоху Просвещения инквизицию обвиняли в разрушении величия Португалии. Этого широко распространенного мнения придерживался и Г. Харт:

Несмотря на то, что население Португалии было смешанным в этническом и религиозном отношении, христиане, магометане и евреи прекрасно уживались друг с другом до тех пор, пока в XVI веке не запылали костры инквизиции. И тогда господствующая группа с ненавистью, с диким и слепым фанатизмом обрушилась на несчастные меньшинства и в конце концов уничтожила в стране те самые качества — отвагу, мастерство и предприимчивость, — которые когда-то превратили Португалию в мощное, процветающее государство. В результате этого Португалия потеряла могущество и не восстановила своего прежнего значения вплоть до наших дней.³¹

До 1580 года у португальских евреев сохранялись возможности для адаптации к новым условиям, более мягким, чем в других областях Пиренейского полуострова. Затем под властью Мадрида положение «новых христиан» резко ухудшилось. К тому же многие из них не проявили лояльности к католическим королям. К примеру, в завоеванной голландцами части Бразилии некоторые скрытые евреи вернулись в иудаизм. После окончания войны им пришлось покинуть страну. В частности, бывшие «новые христиане» принимали участие в строительстве Нового Амстердама, будущего Нью-Йорка. Переселение евреев и мавров бесспорно способствовало процветанию тех стран, которые их приняли, а также расцвету атлантического пиратства. В свою очередь, Португалия стала «чище» в этническом и религиозном отношении, но лишилась квалифицированной рабочей силы и даже части знати недостаточно благородного происхождения. Укрепление границ между сословиями означало срыв модернизации.

Срыву первой португальской модернизации, вероятно, способствова-

---

³⁰ Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего. Т. 9. От смерти Маймонида (1203) до изгнания евреев из Испании и Португалии (1496). Одесса, 1907; Soyer F. The Persecution of the Jews and Muslims of Portugal: King Manuel I and the End of Religious Tolerance (1496–7). Leiden, 2007.

³¹ Харт Г. Морской путь в Индию: рассказ о плаваниях и подвигах португальских мореходов, а также о жизни и времени дона Васко да Гамы, адмирала, вице-короля Индии и графа Видигейры. М., 1954. С. 30.

ли и другие обстоятельства — притягательность общеевропейской империи Габсбургов и роскоши мадридского двора, постепенное разочарование в смысле такого благородного предприятия, как борьба с маврами в Северной Африке (покорить мавров не удавалось вплоть до уже упоминавшейся «битвы трех королей»), высокая смертность и ассимиляция португальцев в странах Азии и Африки. Возможно, несколько осовремененное описание последнего фактора представлено в работе Г. Харта:

Полное отсутствие португальских женщин представляло собой одну из важных причин, вследствие которых жизнь для португальцев в Индии была сурова и тяжела. Мужчины по большей части брали себе в жены туземок или метисок. Эти женщины вели праздную, сидячую жизнь, обслуживали их рабы. Что такое настоящая жена — об этом у них не было и представления.

Помимо всех этих зол, португальцы были очень восприимчивы к тропическим болезням. [...] Один голландский автор указывает, что «неумеренное общение с женщинами (а также пьянство и болезни) могло измолоть человека в порошок и сдуть его, как пылинку, если бы он был даже из железа и стали».

По всем этим причинам португальское владычество в Индии стало быстро клониться к упадку, хотя еще было в живых поколение, на глазах которого был открыт морской путь вокруг мыса Доброй Надежды.

[...] в данном случае происходила не обычная колонизация необитаемой земли или страны, населенной низшим по развитию народом. В Индии была такая же высокая цивилизация, как и в Португалии XVI века, но цивилизация эта резко отличалась от португальской. Контакт этих двух цивилизаций обрекал усилия Португалии на неудачу.³²

Современное государство как продукт первой португальской модернизации

Говоря о современном государстве во времена Открытий, очевидно, следует начать с деконструкции исторического мифа. В рамках исследований модернизации колоссальное внимание обычно уделяется Северо-Западной Европе, а также Италии. Государственность на Пиренейском полуострове сводится к Реконкисте, которая затем переросла в завоевание стран Африки, Азии и Америки, и к абсолютизму, якобы выросшему непосредственно из Реконкисты. Такой подход очевидным образом проти-

---

³² Там же. С. 282–283.

воречит всему, что известно об историческом развитии стран Западной Европы. Разумеется, можно сослаться на то, что южнее Пиренеев — уже не Европа, а Африка, однако смена названия объекта не облегчает его понимания. Кроме того, Португалию имеет смысл рассматривать отдельно от других иберийских государств, поскольку ее подчинение власти Мадрида в 1581 году ознаменовало срыв первой модернизации.

Главные признаки того уже не средневекового государства, которое складывалось в Португалии эпохи Открытий, можно описать следующим образом: разделение властей, бюрократия, коррупция. Разделение властей отличалось от современного прежде всего непрерывной и ожесточенной борьбой между ними. Следует отметить, что в стране не было конституции, но уже сформировались развитое законодательство и судебная система. В роли окончательного арбитра теоретически выступал король, однако при несогласии с королем можно было обратиться и к папе как к своеобразному апелляционному суду. Более того, на практике мнение короля нередко не имело решающей силы. Например, назначенный им вице-король Индии не мог действовать и даже вступить в свои права без согласия местных военных и гражданских властей в Гоа.

Ни военные, ни гражданские администраторы не могли свободно распоряжаться финансами. Например, на португальском Цейлоне (на побережье современной Шри-Ланки) капитан крепости Коломбо мог распоряжаться лишь чрезвычайными расходами, но не имел права напрямую отдавать распоряжения о платежах. Обычными расходами занималось отдельное ведомство, своего рода департамент финансов:

Основная функция этого департамента заключалась в изыскании новых поступлений в казну колониального аппарата и контроле за расходованием этих средств. При этом начальник департамента финансов был совершенно независим от генерал-капитана. Будучи по занимаемой должности намного ниже последнего, начальник департамента финансов подчинялся только вице-королю в Гоа и в силу этого нередко отказывал главнокомандующему в предоставлении средств на цели, которые не были предусмотрены высшей колониальной администрацией. Таким образом, департамент финансов не только занимался изысканием новых поступлений, но и проводил определенную финансовую политику, которая разрабатывалась чиновниками колониального аппарата в Гоа.³³

---

³³ *Иванов Л. Г.* Очерки экономической истории Шри Ланки (XVI — начало XX в.). М., 1978. С. 16.

Согласно законодательству, избираемые и назначаемые должностные лица не должны были вмешиваться в дела друг друга. На практике они постоянно боролись между собой, апеллируя к авторитету вышестоящих властей и судебных органов. Типичный пример такого вмешательства приводит Фернан Мендес Пинто. Генеральный аудитор португальской Индии был послан в Малакку сменить коменданта крепости, который не подчинялся предписаниям вице-короля и арестовал управляющего казной; «Малакка была лишена штата города, каковым она пользовалась раньше, и муниципалитет, и все власти в ней были разогнаны по самым позорным и бесчестящим обвинениям». Затем аудитор вмешался в дела вновь назначенного коменданта. В ответ новый комендант приказал схватить и пытать аудитора; «когда наступила пора муссонов, его в оковах отправили в Индию с жестоко порочащими протоколами вытянутых из него признаний, которые, однако, адвокаты кассационного суда в Гоа признали недействительными, приказав пересмотреть в Малакке все дело заново». По приказу вице-короля коменданта арестовали и отправили в Гоа, где он также должен был предстать перед кассационным судом. Поскольку аудитор внезапно скончался (возможно, отравленный на званом обеде), дело было прекращено. Комендант вернулся в Малакку, где вскоре заболел и умер; «таким вот образом разрешились все распри и неурядицы, которые довелось в это время перенести злополучной Малакке».³⁴

Очевидно, сама схема управления Малаккой, как и другими крепостями, только способствовала конфликтам между разными ветвями власти:

Главным лицом был капитан (комендант) крепости Малакка, который с 1571 г. носил титул «губернатор Юга». Он назначался португальским королем на срок 3–4 года. Губернатору помогал городской совет, некоторые члены которого назначались вице-королем Гоа (главный судья — овидор и секретарь совета), некоторые избирались (мэр-виадор и шесть советников, ведавших городскими финансами и судебными делами), а некоторые являлись членами совета по должности (епископ, приор и казначей Мизерикордии). Гарнизонем и флотом Малакки командовал генерал-капитан, которого также назначал вице-король на трехгодичный срок. Генерал-капитану подчинялся фейтор (фактор), его обязанностью было снабжение гарнизона и военных судов.

Португальцы сохранили некоторых должностных лиц администрации султаната. [...] Кроме того, во главе каждой общины — китайской, яванской, тамильской — стоял капитан, с которым имели дело власти.

---

³⁴ Мендес Пинто Ф. Странствия. М., 1972. С. 531–534.

[...] Португальское управление в Малакке очень скоро обнаружило общие для португальской колониальной администрации недостатки — невероятную коррупцию, нарушение государственной торговой монополии должностными лицами и т. п.³⁵

Что касается бюрократии и коррупции, они выступали как вечный «тяни-толкай». Королевская власть по мере сил насаждала бюрократию, но у нее не было сил на то, чтобы дотянуться из Лиссабона до всех уголков мировой империи. Любые попытки укрепления бюрократии, которая должна была подчиняться приказам из центра, наталкивались на повсеместную коррупцию. На практике любой бюрократ в заморских владениях Португалии становился коррупционером. Дело доходило до продажи пушек и снаряжения потенциальному противнику.³⁶ Теоретически коррупция была злом, с которым предписывалось бороться, но лишь немногие администраторы пытались добросовестно следовать распоряжениям из центра.

В основе португальской государственности находились религия и бизнес. Если о роли португальцев в распространении католицизма хорошо известно, то коммерческая составляющая империи часто остается за кадром. Между тем о ее значении свидетельствует уже сам титул португальских королей, начиная с 1499 года: «Божьей милостью король Португалии и [обоих] Алгарви по эту и по другую сторону моря в Африке, владетель Гвинеи и завоеванных территорий, навигации и коммерции в Эфиопии, Аравии, Персии и Индии» (*Pela Graça de Deus, Rei de Portugal e dos Algarves, d' Aquém e d' Além-Mar em África, Senhor da Guiné e da Conquista, Navegação e Comércio da Etiópia, Arábia, Pérsia e Índia, etc.*). Этот титул был упразднен лишь после революции 1910 года и провозглашения Португальской республики.

Португальские владения эпохи Открытий могут рассматриваться как прообраз всех известных форм управления заморскими территориями (переселенческие колонии, частно-государственное партнерство, различные варианты прямого и косвенного управления). По соседству с португальскими владениями повсеместно появлялись государства нового типа или хотя бы представления о государстве как форме организации общества. Португальское наследие сохранялось даже в тех странах, которые

---

³⁵ *Тюрин В. А.* История Малайзии. Краткий очерк. М., 1990. С. 38–39.

³⁶ См., например: *de Sousa Pinto P. J.* The Portuguese and the Straits of Melaka, 1575–1619: Power, Trade and Diplomacy. Singapore, 2012. P. 220–221.

самым решительным образом боролись с португальцами. Вероятно, наиболее яркий пример такого рода представляет Япония после разгрома местных христиан, опиравшихся на поддержку империи Габсбургов (через Филиппины) и миссионеров-португальцев. Христианские княжества Японии были уничтожены, в том числе и благодаря поддержке голландской артиллерии. Страна самоизолировалась и впала в своеобразную спячку до середины XIX в., но сохранила представления о государственности, уже заметно отличавшиеся от традиционных для конфуцианского Дальнего Востока.

Португальцы в заморских странах постоянно исходили из представлений, которые в наши дни связываются с суверенным равенством государств. В уже приведенном тексте о строительстве крепости Сан-Жоржи да Мина нет никаких намеков на то, что местный африканский король отличался по статусу от короля Португалии. В более поздний период англичане, голландцы и другие «цивилизованные нации» рассматривали многие общности Азии и Африки как недостаточно развитые для того, чтобы приравнивать их к европейским державам. Такие общности именовались «племенами» или в лучшем случае «туземными государствами». Лишь в XX веке, после глобальной деколонизации, произошло возвращение к португальской модели международных отношений. Разумеется, такие государства, как Науру и Соединенные Штаты Америки, и сегодня несопоставимы по своему политическому и экономическому значению для остального мира, однако в международных организациях возобладал принцип суверенного равенства, который вполне можно считать наследием первой португальской модернизации.

Реставрация, портвейн и строительство в Мафре: вновь обретенный суверенитет и деградация португальского государства

В 1580–1640 годах место Португалии в титулатуре Габсбургов было достаточно скромным: «король Кастилии, Леона, Арагона, обеих Сицилий, Иерусалима, Португалии, Наварры, Гранады...». Находясь под властью Мадрида, бывшая мировая держава оказалась беззащитной перед лицом новых угроз, исходивших от таких хищников, как голландцы и англичане.

Независимость Португалии была восстановлена лишь после того, как империя Габсбургов увязла в Тридцатилетней войне. В 1640 году, когда

португальцев послали на усмирение мятежной Каталонии, страна восстала. Произошла т. н. реставрация; была создана новая, Браганская династия. Португальские кортесы осудили испанское правление как тиранию. В борьбе с Испанией португальцам помогли голландцы и англичане; на заморские владения такая помощь не распространялась. В 1654 году революционная Англия признала независимость Португалии, а взамен добилась свободы торговли и вероисповедания, привилегий для англичан в стране и ее владениях, а также свободы торговли с Бразилией (за исключением муки, рыбы, вина, оливкового масла и бразильского дерева). Отношение англичан к союзникам-португальцам в XVII веке прекрасно выражено в дневниках Сэмюэля Пипса:

Обедали с капитаном Ламбертом и беседовали о Португалии, откуда он недавно прибыл. Говорит, что место это очень бедное и грязное, речь идет о Лиссабоне — городе и королевском дворе. Что король очень груб и примитивен; не так давно за то, что он оскорбил какого-то дворянина, назвав его «рогоносцем», его чуть было не отправили на тот свет; ему устроили засаду и наверняка пронзили бы шпагой, не скажи он им, что он их король. Говорит, что в окнах там нет стекол — нет и не будет. Что королю прислуживает дюжина ленивых охранников, носят ему за отдельный стол мясо, порой в глиняных мисках, а иногда ничего, кроме фруктов, и время от времени полкурицы. И что сейчас, когда их инфанта станет нашей королевой, ей будут подавать целую курицу или гуся, что для нее в диковинку.³⁷

По мнению Ф. Броделя, в этот период сложилась «захватническая цивилизация, одержимая виноградниками и вином: цены этому благоприятствовали, разрастались флотилии кораблей, нагруженных бочками, идущие на север из Севильи, с португальских берегов или из Жиронды».³⁸ Портвейн и сегодня остается важнейшим продуктом португальского виноделия. В определенной мере можно утверждать, что кукуруза — это символ сильной Португалии, контролировавшей полтора океана, тогда как портвейн — символ слабой страны, находившейся в полной зависимости от англичан, итог иностранного господства на португальской земле. Всемирно известный экономист Давид Рикардо, связанный по своему происхождению с Португалией (он был родом из еврейской семьи, эмигрировавшей сначала в Голландию, а затем в Англию), писал:

---

³⁷ Пипс С. Домой, ужинать и в постель: Из дневника. СПб., 2016. С. 114 (запись от 17 октября 1661 года).

³⁸ Бродель Ф. Очерки истории. 2-е изд. М., 2017. С. 21.

Если бы Португалия не находилась в торговых сношениях с другими странами, она была бы вынуждена извлечь значительную часть своего капитала и труда из производства вин, за которые она покупает необходимые для нее металлические изделия и сукна из других стран; она должна была бы затратить эту часть на изготовление данных товаров, причем получала бы их, вероятно, меньше, и они были бы ниже по качеству.

[...] Таким именно образом деньги распределяются между отдельными странами только в таких количествах, какие необходимы для регулирования прибыльной меновой торговли. Англия вывозила сукно в обмен на вино, потому что при таком образе действий ее труд становится для нее более производительным; она имела больше сукна и вина, чем если бы выделывала то и другое для себя самой, а Португалия ввозила сукно и вывозила вино, потому что труд Португалии мог с большей выгодой для обеих стран быть употреблен на выделку вина. Если в Англии станет труднее производить сукно или в Португалии вино или же в Англии станет легче производить вино, а в Португалии сукно, то торговля должна будет немедленно прекратиться.³⁹

Обмен английских товаров на портвейн не был равноправным. Англичане диктовали цены и распоряжались в формально суверенном королевстве, как в своих заморских владениях. Исходя из собственных интересов, Великобритания не позволила Франции и Испании завоевать Португалию в ходе наполеоновских войн.

Помимо портвейна к заметным результатам срыва модернизации, вероятно, можно отнести монастырь и дворец XVIII века в Мафре. В комплексе 1200 комнат и более 150 лестниц. Грандиозное сооружение оставляет впечатление бессмысленно потраченного национального богатства. Король Жуан V Великодушный, надеясь на рождение наследника, дал обет построить францисканский монастырь и заодно решил создать архитектурный ансамбль, который превзошел бы испанский Эскориал. В романе «Воспоминания о монастыре» современный португальский писатель Жозе Сарамага так реконструировал диалог по поводу строительства в Мафре, произошедший между королем и казначеем:

... вопрошает король, А ну-ка, скажи, как там у нас дебет и наличность. Казначей обхватывает рукою подбородок с таким видом, словно собирается погрузиться в размышления, открывает одну из книг, словно собирается сослаться на параграф, каковой решит дело, но отменяет и то и другое, доволь-

---

³⁹ *Рикардо Д.* Сочинения. Т. 1. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955. С. 117, 121.

ствуюсь тем, что говорит королю, Знайте, ваше величество, что касается наличности, то наличествует у нас все меньше, а что касается дебета, сиречь задолженности, долгов у нас становится все больше, Ты в прошлом месяце говорил мне то же самое, И в следующем скажу, и в будущем году, ибо если и дальше так пойдет, то мы, ваше величество, скоро будем скрести дно сундуков, Наши сундуки далеко отсюда, один в Бразилии, другой в Индии, когда выскребем все дочиста, узнаем об этом с таким запозданием, что сможем сказать, были мы бедны, оказывается, и сами того не ведали, Да простит мне ваше величество дерзкие речи, но я бы решился сказать, что мы уже сейчас бедны и об этом ведаем, Но ведь, благодарение Господу, в деньгах недостатка нет, Так-то оно так, но мой казначейский опыт вседневно напоминает мне, что самый худший из бедняков это тот, у которого в деньгах недостатка нет, это и происходит с Португалией, она что дырявый мешок, деньги сыплются ей в рот и высыпаются из заднего прохода, да простит меня ваше величество...⁴⁰

Как писал российский историк-востоковед А. М. Хазанов, «Португалия в XVIII в. превратилась в своего рода перевалочный пункт для золота, идущего из Бразилии и Африки в Англию. [...] Португальские колонии несли на себе таким образом двойное бремя: они были вассалами вассала Англии».⁴¹ Сохраняя национальную гордость, глубокую религиозность и почтение к инквизиции, Португалия все больше отставала от других стран Европы.

Победившая модернизация, или Португалия под властью Брюсселя и Мадрида

После реставрации 1640 года Португалия пережила еще две попытки радикальной трансформации в XVIII и XX веках. В эпоху европейского Просвещения с собственной программой реформ выступил маркиз ди Помбал, первый министр при короле Жозе I. Помбал стремился развивать национальную промышленность, торговые компании на Востоке и в Бразилии, руководил восстановлением Лиссабона после разрушительного землетрясения 1755 года, изгнал иезуитов и ликвидировал «иезуитское государство» на территории Бразилии, уничтожил списки «новых христи-

---

⁴⁰ *Сарамаго Ж.* Воспоминание о монастыре. URL: <https://unotices.com/book.php?id=92160&page=60> (дата обращения: 25.03.2017).

⁴¹ *Хазанов А. М.* Португальская колониальная империя. 1415–1974. М., 2014. С. 122.

ан». После смерти короля Жозе I в 1777 году Помбала обвинили в злоупотреблениях, приговорили к смертной казни, но затем помиловали и лишь выслали из столицы. Вторая попытка революционного преобразования страны была предпринята в 1974 году. Тогда в Португалии произошла «революция гвоздик», провозгласившая своими целями полный отказ от колоний и строительство социализма. Была достигнута лишь первая из этих задач; фактически революция потерпела поражение.

В 1986 году одновременно с Испанией Португалия волилась в Европейское экономическое сообщество, а затем и в Европейский Союз. Европейская интеграция дорого обошлась португальскому народу. Ход развития страны подтвердил опасения консерваторов, выступавших за сохранение заморских владений. Накануне «революции гвоздик» генерал Антониу ди Спинола писал:

Заморские территории необходимы для нашего существования как свободной и независимой нации. Без африканских территорий Португалия станет лишь островком безгласным в огромной Европе (точнее: «невзрачным уголком во все увеличивающейся Европе, um canto sem expressão numa Europa que se agiganta») и лишится средств, необходимых для самоутверждения среди других наций, — в конце концов, ее существование в политическом плане станет чисто формальным и независимость будет полностью подорвана.⁴²

В начале XXI века похожий взгляд на судьбу страны выразил философ Жозе Жил в книге «Португалия сегодня — страх существования».⁴³ По его мнению, за время диктатуры у португальцев сформировалась культура неучастия в общественной жизни; современная Португалия живет лишь настоящим и утратила «идею будущего». Модернизация, которую случайно начали португальцы, а затем пытался осуществить маркиз ди Помбал, свершилась, но одновременно у португальцев лишь усилилось знаменитое чувство «светлой тоски» (*saudade*). Многие тоскуют и по временам Салазара. В 2007 году португальские телезрители назвали покойного диктатора величайшим из португальцев. Второе место занял лидер коммунистов Алвару Куньял, третье — дипломат Аристидиш Мендиш,

---

⁴² *de Spínola A. Portugal e o futuro: análise da conjuntura nacional. Lisboa, 1974. P. 234; русский перевод: Ханов О. Революция в Португалии. 1974–1976. URL: <https://www.proza.ru/2010/12/01/546> (дата обращения: 15.03.2017).*

⁴³ *Gil J. Portugal, Hoje: O Medo de Existir. Lisboa, 2004.*

спасавший евреев во время Второй мировой войны, и лишь четвертое — первый король Афонсу I (Афонсу Энрикиш).

Можно сказать, что Португалия, наконец, стала «нормальной европейской страной», но многие граждане стремятся ее покинуть. Португальское государство утратило свой суверенитет в той мере, в которой перестали быть суверенными и другие «маленькие» члены Европейского Союза. Интеграция привела к появлению анахронизмов нового типа.⁴⁴ С 1990-х годов Португалия — в худшем случае одна из неблагополучных стран Южной Европы группы PIGS (Португалия, Ирландия/Италия, Испания, Греция), в лучшем — небольшая страна, сильно пораженная коррупцией, но все же стремящаяся занять место в Брюсселе, можно сказать, в том же регионе, который некогда был свидетелем португальского могущества и его краха под тяжестью неудач империи Габсбургов в Нидерландах. В экономическом плане современная Португалия сильно зависит от соседней Испании. Таким образом, в результате модернизации страна в определенной мере снова вернулась под власть Мадрида, к временам общеевропейской империи Габсбургов.

---

⁴⁴ См., например: *Tratados entre Portugal e os países da União Europeia, séculos XIII–XXI = Treaties between Portugal and the countries of the European Union, 13th to 21st centuries*. Lisboa, 2007.

Николай Добронравин

**Современное государство, кукуруза, портвейн:
первая португальская модернизация,
ее срыв и глобальное наследие**

Препринт М-57/17

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 10.03.17
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

Центр исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**